

В предыдущих главах:

Урок по защите от Тёмных искусств, на котором профессор Люпин обучал сражаться с боггартом, неожиданно для Гарри обернулся старым кошмаром, когда его страх принял форму Волан-де-Морта. Парень пытался его побороть, но его ужас лишь трансфигурировался в дементора, который оказался явно сильнее. От поражения его успел спасти профессор Люпин.

Гарри с тяжелым сердцем шёл на урок по уходу за волшебными существами, который вёл профессор Хагрид. Там их ждала группа гриффиндорцев. Несмотря на вражду факультетов, занятие, на котором ученики изучали нюхлеров, прошло в весёлой, чуть ли не дружеской обстановке.

Следующим уроком был ещё один новый предмет — предсказания. Встретившись с девушками у входа в замок, Гарри и остальные слизеринцы пошли к Северной башне, где встретили пуффендуйцев. Последние были весьма напуганы из-за славы Гарри Поттера как наследника Слизерина и убийцы Джиневры Уизли. Сам урок не вызвал восторга, а в конце профессор Трелони предсказала смерть Гарри Поттеру.

Урок заклинаний у профессора Флитвика прошёл как в тумане. Так же, как и ужин в Большом зале. Быстро сделав домашнюю работу в гостиной, парень отправился к себе в спальню: его ждал вечерний разговор с Джеммой. Но ни о дементоре, в который превратился его боггарт, ни о том, что он слышал, как убивал его маму Волан-де-Морт, ни о предсказании профессора Трелони ему говорить совершенно не хотелось. Слишком свежими были эти воспоминания, чтобы о них рассказывать. Тяжёлый день его вымотал, поэтому, попрощавшись с тоже уставшей после работы волшебницей, он пошёл спать в тёплую кровать.

На следующий день у них был сдвоенный урок зельеварения. К большому сожалению, вместе с гриффиндорцами. Уже тот факт, что ему придётся сидеть в одном классе со Снейпом, мог надолго испортить Гарри настроение, присутствие там Уизли только ухудшало ситуацию. Также не добавляло бодрости духа то, что утром Джемма по сквозному зеркалу в панике сообщила, что убийцу Блэка видели не так уж далеко от Хогвартса. Поэтому Гарри пришлось заново повторить ей все меры безопасности, которые они подготовили летом, и пообещать не покидать гостиную без веской на то причины. Во время завтрака он прочёл почти то же самое в «Пророке». Оказывается, Сириуса Блэка видела совсем недалеко отсюда одна магловская женщина. Она, конечно, приняла его за обычного преступника и позвонила в полицию. Пока сигнал дошёл от маглов до Министерства Магии и оттуда примчались готовые к бою мракоборцы, Блэка и след простыл. Хорошо ещё, что никому из слизеринцев с его курса газеты

не приходили, и ему не пришлось успокаивать взволнованных девушек, которые ещё не пришли в себя после вчерашнего предсказания Трелони о его смерти.

На уроке они проходили новое зелье, судя по ингредиентам и рецепту, оказавшееся весьма сложным в приготовлении. Если правильно его сварить и дать выпить какому-нибудь зверьку, то он помолодеет. Можно ли его применять к волшебникам, учитель не сказал, и не было дураков его об этом спрашивать. Зелье действительно оказалось самым сложным из тех, что варил Гарри, а учитывая, что профессор Снейп был явно не в духе, ему приходилось всё внимание уделять своему котлу. Сильно булькающее варево должно было стать ядовито-зелёным, но пока добиться нужного цвета у парня никак не получалось. Но, по крайней мере, оно не было красным, как у Невилла Долгопупса. Этот неумеха-гриффиндорец никогда не мог приготовить нормальное зелье и был самым отстающим в классе. Слушая, как Снейп громко распекает Долгопупса, Гарри с удовольствием заметил, как неаппетитная субстанция в его котле начала зеленеть, и тут же уменьшил огонь. Вроде бы всё получается. А вот бедняге Долгопупсу не повезло. Снейп вдруг решил проверить зелье гриффиндорца на его жабе, которую тот зачем-то принёс на урок.

Профессор взял Тревора — так звали огромную жабу — зачерпнул ложечкой несколько капель красного зелья и, сильно надавив на подбородок несчастного испытуемого, заставил его распахнуть пасть, куда и засунул ложку, выливая содержимое. Воцарилась мёртвая тишина. Тревор сглотнул и неожиданно совершенно по-человечески чихнул. Ученики с изумлением смотрели, как его кожа краснела, хоть превращаться в головастика он явно не собирался. И вдруг жаба затряслась, пронзительно квакая, и её обильно вырвало на пол каким-то небольшим густым комком красноватой слизи.

— Отвратительно, Долгопупс, — резюмировал профессор и швырнул полумёртвую жабу в руки съёжившемуся гриффиндорцу. — Как всегда, ваше зелье вышло неудачным, и по вашей вине эта жаба не проживёт и десяти минут. Минус пять баллов Гриффиндору.

Урок закончился, и Долгопупс, плача, направился прочь из класса, слушая успокаивающие слова своих одноклассников. Драко и многие слизеринцы издевательски рассмеялись им вслед, собирая свои вещи куда менее поспешно. Слякки с зельем уже были поставлены на лабораторный стол, котлы помыты, и можно было идти на следующий урок.

— Поттер! — Снейп остановил полный ненависти взгляд на Гарри. — Задержитесь.

Остальные слизеринцы не торопясь вышли из класса, бросая испуганные взгляды на декана и Поттера. Последним вышел Нотт и закрыл за собой дверь. Гарри остался стоять у первого стола центрального ряда, который был совсем рядом с учительским, и нервно теребил ручку своей сумки. Другая рука поглаживала волшебную палочку в кармане. Профессор некоторое время хранил молчание, холодно рассматривая своего ученика.

— В первый день учёбы я заметил ваше отсутствие в гостиной, когда делал объявление перед моим факультетом, — вкрадчиво начал декан, прищурился тёмные пустые глаза.

Гарри промолчал, не отрывая взгляд от стола, помня про легилименцию и нежелательность долгого зрительного контакта с профессором. Он уже давно не был тем глупым второкурсником, которого легко можно было обмануть. За лето Гарри многому научился. Стороннему наблюдателю — хотя в кабинете кроме их двоих никого не осталось — могло показаться, что ему стыдно, и именно поэтому парень опустил голову. Его бледные губы сжались, придавая лицу неожиданно жёсткое выражение.

— Лично меня порадовало отсутствие необходимости лицеизреть вашу персону. Однако вместе с вами, — Снейп сделал многозначительную паузу, словно не договорив, и Гарри отчётливо понял, что тот проглотил слово «никчёмным», — гостиную покинули и другие волшебники, более достойные, чем вы. Как вы это объясните? — с напором, но вкрадчиво и резко спросил он.

Гарри видел, что Снейп зол. И, как счёл парень, злится совсем не из-за того, что его не было в гостиной, а потому что он не смотрит ему в глаза. Но Гарри так сильно не хотелось провоцировать прямой конфликт... Это было бы не в духе Слизерина. И как бы он ни ненавидел своего декана, у профессора было намного больше власти, а заодно и возможностей сделать его жизнь здесь крайне сложной. Да и Джемма его просила...

— Примите мои извинения, профессор Снейп, — вежливо ответил Гарри, буквально переступая

через себя, но всё так же не отрывая взгляда от стола, разглядывая шероховатости и порезы от ножей на его поверхности и больше боясь нового беспардонного вторжения в свой разум. — У меня было плохое самочувствие.

— Как я и думал, — с презрением бросил декан. — Не смогли придумать достойную ложь, почему вы сбежали с гостинной... Или знаменитому Гарри Поттеру даже утруждаться объяснениями не надо, ведь он уходит, когда ему вздумается.

Гарри со злостью сжал кулаки, промолчав.

— Что ж, такое отвратительное поведение с вашей стороны требует соответствующего наказания, — негромко, смакуя каждое слово, веско произнес Снейп. — Я думаю, что месяц мытья грязных котлов каждый вечер укажет вам на ваше место в этом мире.

— Целый месяц?! — с неверием воскликнул Гарри.

Это было одним из самых серьёзных наказаний... Подобные меры применялись к злостным нарушителям, например, по вине которых кто-то был покалечен и угодил надолго в больничное крыло к мадам Помфри.

— Да, — с открытым наслаждением медленно чуть ли не прошептал профессор, ощущая ужас парня. — Ах, Поттер, вы же в команде по квиддичу! Похоже, мистеру Монтегю придётся искать замену на место охотника, так как вы не сможете участвовать ни в тренировках, ни сыграть матч против Гриффиндора. Какая жалость, — с издёвкой медленно закончил декан. — Похоже, закончилась ваша карьера в квиддиче. Но для факультета так даже будет лучше, и мистер Монтегю наверняка очень быстро найдет нового охотника, более умелого, чем вы.

— Но, профессор Снейп, — попытался оправдаться Гарри с чувством собственного достоинства, невольно ощущая, как у него леденеют внутренности. — На каком основании? Я не нарушал никаких правил школы.

«Целый месяц? Исключил меня из команды? — с нарастающей яростью думал слизеринец, ощущая, как что-то тяжелое завертелось в животе, словно разозлённый клубок змей. — Если это так, то это конец. Конец всему. Слизеринцы увидят, что я слаб, что все мои усилия против Снейпа разлетелись вдребезги».

Снейп наклонился к нему вплотную, поставил ладони на стол и с издевкой прошипел:

— Ах не нарушали правила, Поттер?!

— Да, сэр, — с нажимом сказал Гарри, ощущая тяжелое психологическое давление от учителя. Тот буквально напирал на него, и парень с трудом удержался от того, чтобы не отшатнуться от профессора, не разорвать дистанцию. Ему требовалась вся его выдержка, чтобы делать вид, что он теперь с интересом разглядывает малоаппетитное содержимое одной из банок за спиной Снейпа, и не смотреть тому в глаза. — В уставе школы не сказано, что ученики должны в первый день собираться в гостиной, чтобы послушать объявление декана. Как и не было ваших указаний на это. Также нахождение в гостиной или ненахождение в гостиной не является нарушением устава школы, если студент не покидал само факультетское общежитие, выходя в коридор, а, допустим, ушёл спать, как сделал я в тот день, — волнуясь, припомнил он правила Хогвартса, под конец немного сумбурно и запутанно. — Так что да, я ничего не нарушал, сэр. И считаю, что такое наказание несоизмеримо моему...

— Неужели вы открывали устав? — с каким-то злым изумлением прошипел профессор, перебивая. — А что вы скажите насчёт пункта о проявлении уважения к профессорам школы? Помните такой? М-м?! Проявили вы его ко мне, уйдя в тот вечер? Нет. А за это, Поттер, — он буквально выплюнул его фамилию, — за это вы и получите отработку.

— Но... — начал было Гарри.

— Молчать! — прикрикнул Снейп, хлопнув ладонью по столу. — Ваше недостойное поведение, вызванное чрезмерной гордыней, указывает на вашу расхлябанность и упоение своей раздутой славой! Это совершенно недопустимо. Поэтому вы каждый вечер будете здесь. Зайдёте сегодня ко мне, — губы профессора насмешливо скривила змеиная ухмылка, — как раз надо почистить несколько котлов. И думаю, что это будет вашим занятием не только весь сентябрь, но и следующий месяц тоже, если вы сейчас же не закроете свой рот и не покинете мой кабинет.

Гарри быстро соображал. Он ещё не привык отстаивать свои интересы под таким давлением, наперекор людям, обладающим властью. А ведь над ним угрожающе нависал взрослый мужчина, мерзкий декан, которому все остальные ученики подчинялись беспрекословно. Снейп решил отыграться на нём. Он не дурак и быстро догадался, что всё в тот день случилось из-за Гарри. Тем более, что многие слизеринцы остались в гостиной, в том числе и старосты, и кто-то из них мог его выдать. У последних-то и выбора особо не было. Хотя, скорее всего, ушла лишь малая часть из более чем сотни человек, декан это заметил и решил ему отомстить таким гнусным образом.

— Разумеется, профессор Снейп, — холодно согласился Гарри, его разум обрёл кристальную чёткость, перед ним словно появилась извилистая тропинка, дорожка к тому, как можно попытаться отстоять своё. — Но вы говорите про устав школы. А что насчёт законов нашего волшебного мира? С каких пор, уважаемый профессор, у нас разрешено применение легилименции к ученикам в школе? И как отреагирует на это Визенгамот, если я обращусь туда с жалобой?

— Что за чушь ты несёшь, Поттер? — прошипел Снейп не хуже змеи.

— Я имею ввиду, — сказал Гарри, ощущая, как у него бешено бьётся сердце и вспотели ладони, — что кто-то в гостиной Слизерина несколько месяцев назад применял легилименцию. Статья сорок три, параграф восемь «Применение легилименции на человеке без его разрешения или ордера Визенгамота».* У меня есть свидетели. Весь факультет. И я могу выступить с этим заявлением.

— Какой же ты глупый мальчишка, Поттер. Совсем как твой бесполезный и бездарный папаша, — зло рявкнул Снейп; Гарри с трудом сдержал эмоции, незаметно стискивая кулаки за спиной.
— Он тоже был на редкость высокомерен и глуп. Я посмотрю, как ты будешь доказывать это. И посмеюсь, когда ты сядешь в лужу.

Гарри с трудом выдавил из себя улыбку, черты лица словно одеревенели от гнева, который душил его изнутри.

— Действительно, это сложно будет доказать. У меня только есть мои ощущения во время того вторжения в моё сознание. Показания со стороны других учеников тоже не помогут однозначно выявить этот факт, — он подтвердил недосказанность профессора, заставив того скривить губы в усмешке, — ведь это была не палочковая легилименция, когда маг открыто нападает на чужой разум, а поверхностная. А сыворотку правды никто по такому поводу применять не будет. Я знаю законы волшебного мира. И согласен с вами, сэр, что данное нарушение закона доказать будет крайне сложно. Но речь ведь совсем о другом, — Гарри взял паузу, чтобы придать важности своим словам. — Как вы считаете, как отреагирует общественность, другие профессора нашей школы, когда узнают о моём заявлении в Визенгамот? Как отреагируют слушатели Визенгамота и его судьи? Если мне не изменяет память, то верховным чародеем там числится сам профессор Дамблдор. Верно, сэр? И если будут обсуждать моё дело... — он пару секунд помолчал, давая домыслить остальное молчащему Снейпу. — Да, сэр, я не смогу ничего доказать, — Гарри покачал головой, — не будет никакого обвинительного акта. Но! Сам процесс, моё публичное выступление поднимет такой ненужный шум...

Тут лицо профессора дрогнуло, некрасиво потемнев. Его исказила маска ненависти.

— Да как ты смеешь... — прохрипел он; его чёрные глаза метали молнии.

Ненадолго воцарилось молчание. Слизеринец и декан стояли друг напротив друга.

«Я... я не могу отступить... — чувствуя, что он совсем на краю, думал Гарри. — Не могу быть

слабым. Никогда!»

Молча терпеть исключение из команды, которое никак не скрыть, Гарри был не намерен и собирался сопротивляться всеми доступными способами. Ведь сразу его престиж на факультете был бы разрушен. Он устроил демарш против Снейпа, а тот назначил ему тяжелую, практически бесконечную отработку и вышвырнул из команды. И какой тогда из него лидер, если он будет сидеть и покорно драить грязные котлы? Проиграет. Это низвергнет его. Поэтому он пошёл на принцип, собираясь драться до конца. Тот факт, что он сам первым бросил вызов Снейпу, Гарри отнёс в сторону. Сейчас это не важно, нужно собраться.

— Ты такой же мерзавец, как и твой отец, — хрипло бросил Снейп голосом, полным злобы.

Гарри краем глаза видел, что тот оскалился, обнажив желтые неровные зубы. Лицо декана теперь побелело от ярости, губы задрожали. Парень вспыхнул от оскорбления, но с трудом сдержал рвущиеся ответные слова, стараясь рационально обдумать, что сказать.

— Позволю себе с вами не согласиться, — с большими усилиями сохраняя ледяной тон, сказал мальчик, ощущая, как дрожат пальцы. Эта схватка была немногим легче, чем бой с дементором в поезде. — Но мне очень интересно ваше мнение, профессор Снейп, о моём отце, который является признанным героем в магической Британии, — Декан издал непонятный звук. — Это будет неплохим кирпичиком на суде. Всем интересно будет узнать, как ваше мнение о яром противнике Волан-де-Морта связано с личной неприязнью или с чем-то, возможно, другим, — Снейп вздрогнул, и, к ужасу Гарри, потёр рукав мантии в районе левого предплечья. Парень сразу понял, что там Чёрная Метка — знак, который Тёмный Лорд ставил своим слугам. Он перед одним из Пожирателей Смерти! Как он про это забыл?!

— Ты... не смей... — просипел Снейп. Его лицо стало совсем серым, а на лбу запульсировала вена, совсем как у Дурсля, когда тот был в бешенстве.

— Произносить его имя? — переспросил Гарри, ощущая странную смесь ужаса и ярости. — Почему мне не называть по имени мерзкого убийцу моих родителей?

Декан тяжело дышал, словно только что одолел бегом путь по лестнице до кабинета прорицаний, невольно напоминая ему полную Миллисенту, но вместо смеха Гарри ощущал страх. И злость.

— Возможно, Визенгамот найдёт и другие причины, почему вы так нелюбезно ругаете моего папу — героя, из-за которого и пропал Волан-де-Морт, — Гарри намекнул про деятельность Снейпа, когда он был Пожирателем, сжимая палочку в кармане.

Лицо Снейпа дёрнулось, и парень понял, что он перегнул палку. Но правда была за ним, и он не мог просто отступить. Время сыграть по-другому, поменять тактику.

«Если Снейп нападёт на меня, то, возможно, мои позиции на слушании в Визенгамоте возрастут. Только нужно ли это мне самому?»

— Вы ненавидите меня с моего первого дня в этой школе, — с горечью сказал Гарри. — Хотя я ничем это не заслужил. И сейчас считаете, что я веду себя недостойно, говоря всё это вам, сэр. Что я нападаю, и вы — жертва. Но это не так. Не я нарушал закон. Не я применял легилименцию, проникая в чужие и личные тайны. И я боюсь теперь находиться с вами в одном помещении дольше абсолютно необходимого времени именно по этой причине, вот поэтому и ушёл из гостиной. Именно я тут пострадавшая сторона. Жертва.

Снейп резко отвернулся, смахнув рукой колбы с сегодняшними зельями со своего стола, и те полетели в стену, разбиваясь на осколки и расплёскивая содержимое во все стороны. Воцарилась тяжёлая, давящая тишина.

— Пошёл вон, Поттер, — совершенно замороженным голосом, еле выдавливая из себя слова, сказал он, не оборачиваясь.

Гарри настороженно попятился к двери, держась в пол оборота, ожидая проклятия в спину. Но ничего не было. Взявшись за дверную ручку, он остановился.

— Как я понимаю, отработки не будет?.. Сэр, — спросил он, разглядывая своего декана. Тот промолчал, лишь его спина дёрнулась. — Что ж, до встречи на следующем уроке, профессор Снейп... И, в случае если мои оценки по зельеварению внезапно резко ухудшатся, я вправе считать себя возможным написать письмо об этом на имя директора школы, где изложу все факты, — оставил за собой последнее слово Гарри и закрыл дверь.

Его в коридоре ждали слизеринцы. Они явно желали подробно расспросить о том, что хотел Снейп, но Гарри не дал им этой возможности.

— Пойдёмте на следующий урок, — тоном, не терпящим возражений, сказал он.

Гарри чувствовал, как у него горит лицо, а ноги стали ватными. Но что он мог сделать, как поступить иначе? В любом другом случае, если бы отработка не была

назначена так несправедливо, Гарри промолчал бы. Да даже если бы Снейп назначил ему мытьё котлов на день-два или даже неделю, то он бы не стал доводить до такого ужасного конфликта. Крайне редко отработки превышали срок недели. Но целый месяц! Исключение из команды! Это никуда не шло!

«Я, быть может, даже и согласился бы на отработку, если бы не попытка выгнать меня из команды. Ведь сами отработки можно скрыть от всех. На крайний случай у меня есть мантия-невидимка, и я мог бы незаметно ото всех приходить сюда и мыть котлы. Но потерю места в команде никак не скроешь».

И главное, что здесь не было отношений ученик-профессор, а играла роль личная неприязнь профессора Снейпа к нему. Он ненавидит его за отца, а Гарри ненавидит его за отношение к нему и за его поступки. Все те мелкие пакости, которые Снейп делал к нему, разом вспыхнули в разуме Гарри. Он считал, что и оценки по зельеварению Снейп ему занижал. Не очень сильно, парень никогда не был хорошим зельеваром, но всё же занижал. И это чувство несправедливости захлестнуло его. И хотя Гарри был на факультете самого Снейпа, и раньше тот не решался откровенно его гнобить, но всякие поползновения к этому были всегда, словно он какой-то жалкий пуффендучек. Но Гарри их молча принимал, так как профессор и есть профессор — ничего не поделаешь. Но теперь Снейп перешёл все границы, и он просто не мог отступить перед мерзким Пожирателем Смерти, иначе ему конец.

Мысли Гарри неожиданно скользнули на факультет Гриффиндора. Может, там всё же ему было бы лучше? Ведь если бы на месте Снейпа отработку ему назначала МакГонагалл — декан львов, — то он бы ничего не сказал ей против. Но Гарри не сомневался, что профессор трансфигурации ограничилась бы для начала беседой, чтобы узнать причины проступка, и в случае чего дала бы наказание на один день отработок. Гарри успел её изучить, и, несмотря на излишнюю суровость и сухость, она была справедливым человеком, назначающим отработки даже студентам своего факультета, если их вина была доказана. А здесь Гарри чувствовал, что правда за ним. И Снейп — хуже дементора. Поэтому всё это перешло в открытый конфликт. И как он хотел этого избежать! Но не вышло. В каком ужасе будет Джемма, когда он ей об этом расскажет! На какой-то момент он даже малодушно подумал о том, чтобы не сообщать ей, но отмёл этот вариант. Джемма печется о его интересах и куда лучше знает и Снейпа, и сами порядки замка. Она поможет ему советом. Теперь у него появился враг в замке.